

РОДЬКИН Павел Евгеньевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия
prdesign@yandex.ru

Pavel E. RODKIN
National Research University Higher School
of Economics
Moscow, Russia
prdesign@yandex.ru

**ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917
ГОДА И ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ ОПЫТ
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

**THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION
OF 1917 AND THE FIRST EVER EXPERIENCE OF
MASS CULTURE**

В статье анализируются итоги Великой октябрьской социалистической революции 1917 года в культуре. Вопрос о культуре был радикально поставлен именно революцией: овладеют ли победившие массы культурой или будут уничтожены? Исторический смысл революции заключался в диалектическом преодолении начатого реформами Петра Великого социокультурного раскола и восстановлении культурной целостности в рамках новой исторической общности, когда массам стали доступны лучшие образцы мировой культуры, русская классическая и народные культуры. Ключевым этапом окончательного оформления культурной революции выделяется так называемый консервативный поворот 1930-х. В качестве результата этого процесса стало создание впервые в новейшей истории массовой культуры, соответствующей новой социальной структуре, основанной на высоких интеллектуальных и моральных стандартах и принципиально отличной от массовой культуры западного типа, связанной с феноменом общества потребления. Культурная революция в России в XX веке произошла дважды, но с разными итогами: дала массам культуру и отняла ее у них. На современном этапе истории победил тип массовой культуры западного капитализма. Столетний юбилей Октябрьской революции является актуальным поводом для возобновления дискуссии относительно развития России в условиях растущих социальных и культурных диспропорций.

The article analyzes the results of the Great October Socialist Revolution of 1917 in culture. Question about radical culture was set by the revolution: whether the master of the victorious mass culture or be destroyed. The historical meaning of the revolution lay in the dialectical overcoming of the initiated reforms of Peter the Great social-cultural schism and the restoration of cultural integrity in the new historical community, when the masses became available the best samples of world culture, Russian classical and folk culture. A key step in finalizing the cultural revolution stands out so-called conservative turn of the 1930s. as a result of this process was the creation for the first time in recent history was the mass culture appropriate to the new social structure and based on high intellectual and moral standards and fundamentally different from the mass culture of the Western type associated with the phenomenon of the consumer society. Cultural revolution in Russia in the 20 century happened twice, but with different results: give the masses the culture and take it away from them. At the present stage of history won type of mass culture of Western capitalism. Centennial anniversary of the October revolution is a topical reason for the resumption of the discussion on the development of Russia in conditions of growing social and cultural imbalances.

Ключевые слова: культура, массовая культура, культурная политика, революция, культурная революция

Keywords: culture, mass culture, cultural policies, revolution, cultural revolution

Итоги Великой октябрьской социалистической революции 1917 года по-прежнему сохраняют актуальность, особенно на новом витке российской истории. Российское общество оказалось в состоянии, которое описывается как «возвращение в цивилизованный мир», «социальная контрреволюция» и, в конце концов, в полной мере как «конец истории», в том смысле, что уже в конце XX в. были демонтированы альтернативный западному капитализму тип социального устройства и альтернативная ветвь социальной эволюции человечества. В любом случае речь, действительно, идет о переосмыслении и движении в обратном направлении от той системы, которая была достигнута благодаря завоеваниям Октября, отказ от которых позволяет оценить результаты революции в чем-то даже более объективно, чем это было бы возможно в советском обществе. Революция 1917 года вновь приобретает предметный, практический смысл, так как многие негативные явления, которые советским обществом были забыты и которые оно воспринимало как часть обязательной официальной пропаганды, вернулись и вновь переживаются современным российским обществом сегодня. Этим и объясняется повышенное внимание к

событиям столетней давности, которые, казалось бы, уже должны перейти в область символического или мифического.

Столетний юбилей Октябрьской революции является актуальным поводом для возобновления дискуссии относительно общественного устройства России в XXI веке. Одной из многочисленных тем такой дискуссии, возникшей почти сразу после распада СССР, является проблема культурного развития общества как основы для так называемого человеческого капитала. Растущие диспропорции в виде постоянно увеличивающегося социального расслоения, неравного доступа к образованию, социальным благам и т.д., как характерная черта капиталистического общества западного типа, приводят и к культурному расслоению общества. Данный процесс, который в полной мере затронул и современную Россию, однажды уже был преодолен в рамках советского социального проекта, в котором впервые в новейшей истории была системно создана массовая культура (т.е. буквально - культура для всех), основанная на высоких интеллектуальных и моральных стандартах. Массовая культура как продукт ускоренной индустриализации и модернизации советского общества и необходимый элемент общественного устройства по-прежнему требует системного осмысления.

Следует отметить, что массовая культура - достаточно одиозное понятие, связанное, прежде всего, с феноменом общества потребления, сформировавшимся во второй половине XX в. Негативный образ массовой культуры во многом сложился благодаря критической интерпретации социальной дифференциации, в рамках которой происходит разделение на «высокую культуру», доступную элитам, и заведомо «низкую культуру», предназначенную массам. Такое разделение объективно обусловлено доминирующей социально-экономической структурой общества, против которой была направлена революция 1917 года. Одной из задач, которая была поставлена для достижения цели строительства нового коммунистического общества, стало поднятие масс до ранее недоступного им высокого культурного уровня, что сегодня означало бы качественный пересмотр самого понятия массовой культуры. Массовая культура в таком понимании - не потребительский суррогат из фрагментов культуры, различных низких жанров и новых средств воспроизводства произведения искусства, а высокая целостная культура, доступная всему обществу. Это общественная культура, являющаяся элементом гражданского воспитания, а не одного развлечения и удовлетворения низменных и извращенных потребностей, как еще в 1849 г. обличал ее Р. Вагнер [2, с. 19]. Однако, выражаясь языком марксизма, критика пороков культурной надстройки без переосмысления общественного базиса не может привести к позитивным результатам.

Вопрос о культуре был радикально поставлен именно революцией: овладеют ли победившие массы культурой или будут уничтожены? Культурная революция - неотъемлемая часть социальной революции и самый тяжелый ее фронт. В. Ленин отмечал: «Культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные. <...> Политически победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель. На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность» [5, с. 174]. Системно-структурное развитие культурного уровня масс, как необходимое условие индустриализации, фактически стало частью программы большевиков.

Необразованность масс, их низкий культурный уровень были характерны не только для стран периферийного капитализма, частью которого являлась Российская Империя, но фактически сохранялись и в передовых капиталистических странах. В России культурное расслоение общества объяснялось и фактически «оправдывалось» расколом, который был вызван реформами Петра Великого, вследствие которых была нарушена культурная целостность общества и окончательно были закреплены два культурных этажа: исконно народный и западнической аристократической культуры. При этом демонтаж этого разделения, который был произведен революцией, русской интеллигенцией не получил положительной оценки, а, напротив, в том числе уже и советской интеллигенцией ставился в вину большевикам: советская культура квалифицировалась как чуж-

дая по отношению к «исконной» культуре, что бы под ней не понималось. Исторический смысл революции заключался в преодолении великого русского социокультурного раскола и восстановлении культурной целостности в России, но он оказался не понят, на первый план вышла первоначальная разрушительность и грубость этого действия.

Когда революция стала реальностью, новое, политическое отражение получило столкновение материализма с идеализмом прежде всего в критике революции интеллигенцией, носившей концептуально абстрактный характер. Культура понималась в качестве «области высших сторон человеческой души», в которой ничего не понимали социалисты, как об этом пишет А. Изгоев в 1918 г. [3, с. 169], а революция как «кризис народного духа», как ее интерпретирует П. Струве в 1922 г. [8, с. 419]. А. Белый в опубликованной в 1917 г. работе «Революция и культура» и вовсе отказывает реальной революции в революционности. Он пишет: «В экономическом материализме - абстракция революции духа; революционного организма в нем нет; есть его уплощенная тень. Революция производственных отношений есть отражение революции; а не сама революция; экономический материализм полагает лишь в ней чистоту; и полагает он: революции духа - не чисты; они буржуазны. <...> Обобществление орудий товарного производства вытекает естественно из эволюции экономических отношений; переход к социализму в условиях нашей мысли вскрывает лишь стадии ликвидации старых форм; и - не вскрывает нам новых; диктатура трудящихся масс завершает последнюю стадию; но она вытекает естественно из условий развития капитала: социальная революция в этом смысле не есть революция; и она - буржуазна» [1, с. 19]. Именно поэтому «подлинно революционны и Ибсен, и Штирнер, и Ницше, а вовсе не Энгельс, не Маркс», - заключает Белый [1, с. 25]. В этой позиции заложено нежелание признать, что революционные изменения требуют концептуально конкретных преобразований в интересах реальных масс.

Позиция Ленина в вопросе о культуре предельно конкретна и бескомпромиссна: массы бескультурны, культурой еще только предстоит овладеть, но создать ее «с нуля» и взять из ниоткуда невозможно, а новый человек может быть создан из имеющегося материала. Сам Ленин указывал в «Успехах и трудностях советской власти» уже в 1919 г.: «Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Вот та трудность, которая стала перед нами конкретно, когда мы взяли власть, когда мы получили советский аппарат!» [6, с. 54]. Ленин отмечает: «...Задача - как соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой, бывшей до сих пор достоянием немногих, задача, еще раз скажу, трудная. <...> Если бы в России, во главе миллионов забитых, темных, совершенно неспособных к самостоятельному строительству, веками угнетаемых помещиками крестьян, если бы около них не было передового слоя городских рабочих, которые им понятны, близки, которые пользуются их доверием, которым крестьянин поверит, как своим рабочим людям, если бы не было этой организации, способной сплотить трудящиеся массы и внушить им, разъяснить, убедить их в важности задачи взять всю буржуазную культуру себе, - тогда дело коммунизма было бы безнадежно» [6, с. 59]. Иными словами, чтобы массам овладеть Ибсеном и Ницше, вначале нужно овладеть Марксом. Большевиками была осуществлена сложная диалектическая операция - отрицание буржуазной культуры и культуры правящих классов, ее принятие «на вооружение», усвоение и создание своей новой культуры, как синтез. Результатом этого синтеза стал небывалый взлет и развитие классической литературы, живописи, музыки, архитектуры на основе русской и других национальных культур народов СССР, ставших доступными и понятными массам, ранее не участвовавшим в культурной жизни. Против игнорирования «подлинного художественного наследия прошлого» протестовали и советские критики формализма в искусстве [4, с. 49]. «Органические связи» культуры, вопреки утверждениям Струве, в итоге не только не были разорваны, но и выведены на новый уровень, связав западную культуру с русской, а культуру образованных и привилегированных классов - с народной, решив таким образом принципиальный спор западников и славянофилов.

Не случаен и последовавший затем в 1930-е годы так называемый консервативный поворот, связанный с отказом от ранних экспериментов в культуре и искусстве, который

стал ключевым диалектическим этапом окончательного оформления культурной революции. В окончанных уже в эмиграции «Очерках по истории русской культуры» П. Милюков, ярый противник Октябрьской революции, так описывает эту трансформацию: «Судьба изобразительных искусств при советском режиме во многом сходна с судьбой литературы, а отчасти даже сливается с нею. Как там, так и здесь сперва идет крутой разрыв старого с новым, - разрыв обоюдный. На авансцену, одновременно с ликвидацией прошлого, выступают самые крайние направления, самые "последние крики" в искусстве. <...> При нэпе выплывают из-под спуда остатки старых течений, пробиваются новые ростки, создаются, при относительной свободе, новые комбинации старого и нового, формулируются новые компромиссы. И наконец, в последние годы овладевшая положением власть там и здесь налагает свою централизирующую руку, грозя обесплодить своими мертвящими тенденциями всю эту новую поросль, заменить живое вдохновение казенным штампом социального заказа» [7, с. 102]. Впрочем, данный процесс может быть лишь поверхностно описан в понятиях консерватизма или государственного централизма. Критика 1930-х отчетливо высказала главный тезис массовой культуры. «"Искусство принадлежит народу", - говорил Ленин. Наша партия, пролетариат и весь советский народ заслуживают того, чтобы искусство принадлежало им, оно "должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс". И в это время формалисты отворачиваются от советской действительности, от запросов трудящихся, создавая произведения, непонятные массам, не волнующие их», - цитирует Ленина П. Лебедев, статья которого напечатана в сборнике «Против формализма и натурализма в искусстве» 1937 г. [4, с. 41]. Критика «левого» новаторства включает в себя сразу несколько линий: идеологическую, политическую, художественную и гуманистическую. В советскую культуру не должно войти уродство, извращенность, искажение (и умерщвление) природы и человека. Лебедев пишет: «Скажем прямо: формализм не только неприемлем для нас идейно и политически, но он безусловно антихудожественен. Образы, созданные формализмом, антихудожественны прежде всего потому, что они с возмутительной безответственностью уродуют природу, человека, нашу социалистическую действительность. Так же антихудожественен формализм и с точки зрения совершенства гармонии и выразительности, собственно живописных средств» [4, с. 23].

Фактически революция в культуре завершилась не уничтожением старой культуры, а ее воспроизводством на новом этапе социальной эволюции. Конечно, данный процесс связан со всеми особенностями, проблемами и трагизмом этого конкретного исторического периода. Перегибы, неудачи, потери, репрессии, бесхозяйственность - все это неотъемлемая часть данного процесса. Но «итоговый» результат, продуктом которого остается значительная часть современного российского общества, позволяет сделать необходимые обобщения: в рамках советского проекта была создана общественная, массовая культура, была восстановлена культурная целостность в рамках новой исторической общности - советского народа, массам стали доступны лучшие образцы мировой культуры, русская классическая и народные культуры.

Однако, когда уровень образования и культурный уровень достигли небывалых высот, советское общество столкнулось с массовой культурой западного общества, в том виде, как мы знаем сегодня. Во второй половине XX в. культура представляла собой отдельный и полноценный фронт холодной войны. Обе противостоящие друг другу на тот момент системы использовали культуру для идеологической конкуренции и распространения собственного влияния на весь мир. США не могли на равных конкурировать в сфере классической культуры с СССР, что отлично поняли западные политики в начале 1950-х. США потребовалось создать собственную версию массовой культуры фактически заново, а позднее - распространить ее на волне глобализации и «западнизации» на Европу, Азию и, в конечном счете, на Россию. США и СССР в одинаковой степени использовали культуру в качестве гуманитарного оружия, и было бы идеологическим жульничеством приписывать этот факт только одной из сторон, что, однако, легко делается по отношению к советскому обществу. В конце концов, для СССР холодная война окончилась не только геополитической и социальной, но и культурной катастрофой, когда общество приняло самые худшие и деструктивные образцы западной массовой культуры.

Культурная революция в России в XX веке произошла дважды, но с разными итогами: дала массам культуру и отняла ее у них. На современном этапе истории победил тип массовой культуры западного капитализма. Демонтаж национальной культуры как «отсталой» и «неэффективной», подчинение ее коммерческим интересам бизнеса продолжается потому, что ему придаются системные идеологические основания. Вновь, как и сто лет назад, возникает культурный разрыв, порожденный увеличивающимся социальным неравенством. Новое поколение российской элиты, получившей образование на Западе на отличных от масс культурных, ценностных и идеологических установках, будет говорить и думать на другом языке. Дискуссии о культуре вновь приобрели абстрактный характер, оторванный от реального социального базиса, в рамках риторики реакции доминирующих идей стала попытка вернуться к «исконной», дореволюционной культуре.

Сегодня проблема культурной политики является чрезвычайно острой, но, чтобы положительно сформулировать роль и функции культуры в современном обществе, необходимо иметь внятные идеологические и методологические основания. Понимание исторического смысла колоссальных изменений, произошедших благодаря и в ходе Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, необходимо для проектной деятельности по воспроизводству государства и общества перед вызовами современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белый А. Культура и революция. - М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. - 30 с.
2. Вагнер Р. Искусство и революция. - Петроград: Литературно-Издательский Отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1918. - 32 с.
3. Изгоев А. Социализм, культура и большевики // Из глубины: Сборник статей о русской революции. - М.: Изд-во. Моск. ун-та, 1990. - 298 с.
4. Лебедев П. Против формализма в советском искусстве // Против формализма и натурализма в искусстве: Сборник статей. - М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1937. - 80 с.
5. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Полн. собр. соч. - 5-е изд. - М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 44. - 726 с.
6. Ленин В.И. Успехи и трудности советской власти // Полн. собр. соч. 5-е изд. - М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 38. - 580 с.
7. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. - М.: Прогресс-Культура, 1994. - 496 с.
8. Струве П. Россия // *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Поляков; Вступ. ст. и прим. В.Н. Жукова. - М.: Республика, 1997. - 527 с.

REFERENCES

1. Belyj A. Kul'tura i revoljucija. [Culture and revolution]. Moscow: Publishing G. A. Leman and S. I. Sakharov, 1917. 30 p. (in Russ).
2. Wagner R. Iskusstvo i revoljucija. [Art and revolution]. Petrograd, Literary and Publishing Department of the people's Commissariat for Education, 1918. 32 p. (in Russ).
3. Izgoev A. Socializm, kul'tura i bol'sheviki. [Socialism, culture and the Bolsheviks]. From the depths: Collection of articles on the Russian revolution. Moscow: Publishing house. Moscow University Press, 1990. 298 p. (in Russ).
4. Lebedev P. Protiv formalizma v sovetskom iskusstve. [Against formalism in Soviet art]. Against formalism and naturalism in art. A collection of articles. Moscow: OGIZ-IZOGIZ, 1937. 80 p. (in Russ).
5. Lenin V.I. Novaja ekonomicheskaja politika i zadachi politprosvetov. Doklad na II vserossijskom s'ezde politprosvetov 17 oktjabrja 1921. [The New economic policy and the tasks of political education workers. Report at the II all-Russian Congress of political education workers 17 Oct 1921]. Full. Coll. 5 ed. Moscow: Political literature Publishing house, 1970. Vol. 44. 726 p. (in Russ).

6. Lenin V.I. Uspehi i trudnosti sovetskoj vlasti. [Successes and difficulties of Soviet power]. Full. Coll. 5 ed. Moscow: Political literature Publishing house, 1969. Vol. 38. 580 p. (in Russ).
7. Milyukov P. Oчерki po istorii russkoj kul'tury. [Essays on the history of Russian culture]. Vol. 2. Part 2. Moscow: Progress-Kultura, 1994. 496 p. (in Russ).
8. Struve P. Rossiya. [Russia]. Patriotica. Politics, culture, religion, socialism. Comp. V.N. Zhukov and A.P. Polyakov; introd. article and notes by V.N. Zhukov. Moscow: Respublika, 1997. 527 p. (in Russ).

Информация об авторе:

Родькин Павел Евгеньевич, кандидат искусствоведения, доцент, департамент интегрированных коммуникаций, факультет коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
prdesign@yandex.ru

Получена: 12.06.2017

Для цитирования: Родькин П.Е. Великая Октябрьская Социалистическая Революция 1917 года и первый в истории опыт массовой культуры. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 3. Часть 2. с.24-29.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-24-29.

Information about the author:

Pavel E. Rodkin, Candidate of Art History, Associate Professor, Department of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media and Design, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
prdesign@yandex.ru

Received: 12.06.2017

For citation: Rodkin P.E. The Great October Socialist Revolution of 1917 and the first ever experience of mass culture. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.3. Part. 2. Pp. 24-29.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-24-29. (in Russian)